

Вячеслав Пьецух. Человек в углу

В городе Грибоедове, на улице Дантона, в деревянном ветхом домишке с обломанным петушком жил бывший учитель рисования во 2-й городской школе Валентин Эрастович Целиковский, который был тем известен завсегдааам грибоедовского базара, что он все ангелов рисовал. Ангелами по субботам торговала его жена, маленькая тетка с темными-претемными, какими-то нехорошими глазами, поскольку сам Целиковский был человек нездоровый и, вероятно, часу не выстоял бы в ряду, где продавались глиняные копилки, игрушки, поделанные из дерева, шкатулки, сшитые из цветных открыток, тряпичные коврики, вышивка под стеклом и прочий бедняцкий аксессуар. Валентин Эрастович страдал сахарным диабетом, гипертонией, ишемической болезнью сердца и бессонницей, к тому же он был туг на левое ухо, как государь Александр I Благословенный, но только, разумеется, не в результате учебных стрельб, а в результате того, что младшая дочь гвоздем у него в ухе поковыряла, когда он однажды призадумался невзначай, а тут еще он занемог глазами и начал мало-помалу слепнуть. Сходил Целиковский в поликлинику, но там ему ничего вразумительного не сказали, только велели реже бывать на солнце, помотался по докторам, практикующим частным образом: один предписал пить настойку пустырника, другой наказал обматывать на ночь голову полотенцем, третий посоветовал как можно больше ходить пешком.

Как раз пешком ходить Валентин Эрастович не любил. Еще в первой молодости, когда он носился с идеей универсального растворителя, ему достался по наследству старый зимовский велосипед, и с той поры он ездил на двух колесах во всякое время года. Зимой езда была неудобной, но Целиковский изобрел скаты с шипами из авиационного алюминия и ездил себе под едко-неодобрительными взглядами горожан, пока весной 1949 года у него не украли велосипед. Эта потеря не сильно его опечалила, поскольку он твердо решил построить новый аппарат оригинальной конструкции и давно копил деньги на детали и материал, отказывая себе в лишней ложке сахарного песка. Дров купить было не на что, семья обносилась до последней возможности, за электричество не платили с Октябрьских праздников, сам Валентин Эрастович довольствовался одной ложкой сахарного песка, которым он весело похрустывал на весь дом, зато как раз к весне сорок девятого года у него в сарае стоял аппарат оригинальной конструкции, чем-то напоминавший обыкновенный велосипед. Но когда и его украли, Целиковский впал в настоящее неистовство и даже ходил бить морду начальнику райотдела милиции, которого он считал виновником всех грибоедовских безобразий; скорее всего, Валентина Эрастовича посадили бы за нападение на первого городского милиционера, но, к счастью, его хватил жестокий сердечный приступ и вместо тюрьмы он угодил в больницу. С тех пор Целиковский ходил пешком.

Как ни гнушался он этим способом передвижения, а под старый Новый год, стало быть, 13-го января, ему пришлось тащиться пешком к известной ведунье Маевкиной, которая, по отзывам, хорошо помогала от слеза и слепоты. Валентин Эрастович надел джемпер с пуговками на левом плече, ватное пальто и треух, обмотал шею длиннющим вязаным шарфом, сунул ноги в подшитые валенки и отправился на прием. Идти предстояло через весь город, на самую его окраину, на Татарки, и Целиковский три раза взопрел, три раза высох, пока дошел.

Дверь ему открыла сама Маевкина, приятная женщина в пестрой шали. Она провела Валентина Эрастовича в комнаты, опять же приятно пошевеливая плечами, усадила его за стол, покрытый плюшевой скатертью с бахромой, и после молчала минуты три, так пристально глядя ему в глаза, что он сначала опешил, потом испугался, потом взопрел; он вообще часто потел и считал это

фундаментальным признаком нездоровья. Маевкина посмотрела на него и вынесла приговор:

- Весь организм у вас, товарищ, ни к черту не годится, чего ни коснись, - труха.

- Это такой диагноз? - с едкостью в голосе спросил Целиковский и от огорченья скосил глаза.

- Это такой диагноз, - подтвердила Маевкина, - хотите верьте, хотите нет. Как вы понимаете, специальным медицинским образованием я похвастаться не могу и поэтому человечно, попросту говорю: наблюдается отмирание всех частей.

Валентин Эрастович призадумался, посмотрел на обкусанные свои ногти, потом через окошко на улицу и сказал:

- Интересно, с чего бы это? Что ли, питаемся мы не так?..

- Главная причина болезней - страх. У нас все чего-нибудь трепещут: кто органов, кто пьяных шоферов, кто, что хлеба не завезут, кто старости, кто собак. Поэтому здорового человека у нас практически не найти. Вот у меня, скажем, застарелый гастрит, который развился по той причине, что как, бывало, объявят открытое партсобрание, так я заранее вся дрожу. А вас, товарищ, оттого заели болезни, включая омертвление зрительного нерва, что кто-то вас сильно напугал, когда вы еще существовали в утробе матери, на пятом месяце беременности кто-то вас вредительски напугал.

Целиковский этому сообщению не поверил, но так удивился, что у него выкатились глаза. На всякий случай он решил созвониться со своей матерью, которая вот уже третий год помиралась в городе Душанбе.

- Поэтому у вас и организм ни к черту не годится, - будем правде смотреть в глаза.

- Я правды не боюсь, - сказал Валентин Эрастович, - но полечиться хотелось бы, поскольку годы мои не те.

- Обязательно полечитесь, авось пройдет. Я вам назначаю топленый барсучий жир. Будете его принимать по стакану на ночь, - глядишь, организм-то и отойдет.

- Помилуйте, да где ж я его возьму?!

- Очень просто: запишитесь в охотники и самосильно добывайте барсучий жир.

- А чего нельзя?

- Ничего нельзя. Хотя, - хорошо было бы вам влюбиться...

- Сделаю, что смогу.

С этими словами Целиковский положил на плюшевую скатерть сторублевую бумажку размером с ученическую тетрадь, откланялся и ушел.

По дороге домой он завернул на почту и позвонил матери в Душанбе. Страсть как было жаль тридцатки за разговор, но, когда разъяснилось обратное пророчество Маевкиной насчет испуга в утробе матери, эта утрата сместилась на задний план; оказалось, действительно на пятом месяце материнской беременности отец велел ей сделать аборт, поскольку он прикинул на арифмометре, что в пору зачатия находился в командировке в Талды-Кургане, и хотя мать не послушалась отца распоряжения, как видно, для плода без последствий не обошлось.

По дороге домой он думал о медицинском значении страхов и, уже заворачивая в свою улицу, пришел к заключению, что, во всяком случае, в Грибоедове он совершенно здоровых людей не встречал, что, по крайней мере, жизнь пропитана страхами, как водой. Он спрашивал себя, чего и кого именно он боится, и отвечал: неизлечимых болезней, толчеи на трамвайных остановках, эпилептиков, смерти, удостоверений, бандитов, голода, угара, пожара, зонтичных грибов, секретарей партийных организаций, венерических инфекций, хотя этих ему как будто поздно было бояться, стихийных бедствий, вроде смерча, который недавно пронесся над областным городом Ивановом, простонародных физиономий, скандалов, телефонных звонков, женских слез, ночных посетителей, конца света, слов "задержитесь на минутку", крыс, почтальонов, атомной войны, последних известий, конца света, автомобильных катастроф, бешеных собак в частности и собак вообще, электричества, купания в водоемах, покойников, высоты, езды на перекладных, диспансеров,

контролеров на транспорте, всякого рода физических страданий, битого стекла, сновидений, органов следствия и суда.

Придя домой, Валентин Эрастович устроился в любимом своем углу, между русской печью со стороны лежанки и крашеной тумбочкой у стены. К этому углу он пристрастился после того, как изобрел противопожарную смесь и они с соседом Федором Котовым договорились поставить эксперимент, именно пропитать смесью соседский деревянный сарай и поджечь с четырех углов, в рассуждении - что-то будет, причем Целиковский уповал на могущество человеческой мысли, а Котов пошел на риск из мрачного скептицизма и предубеждения против людей умственного труда. Сарай сторел дотла, и Валентин Эрастович трое суток просидел в углу между русской печью со стороны лежанки и крашеной тумбочкой, поскольку сосед караулил его на улице с топором.

Хорошо было в углу, тепло, уютно, как-то умственно, в печи пощелкивало осиновое бревно, безумная дочь Танюша, жившая на лежанке, рычала во сне и посучивала ногами, интересные мысли разворачивались в голове, за окном ветер поднимал поземку и она билась о стекло, как пригоршни песка. Вошла жена и спросила вкрадчиво:

- Валя, обедать будешь?

Целиковский ответил резко, со злобой:

- Нет.

Единственным человеком во всем Грибоедове, который вызывал в нем тупое раздражение, была, как ни странно, его жена.

По всему выходило, что по его душу явилась старость, если уже ничего нельзя. Он не пил, не курил, не бедокурил по женской линии, и тем не менее противопоставления от Маевкиной вгоняли его в тоску. Очевидно было, что жизнь кончена, впереди только медленное умирание от сахарного диабета, гипертонии, ишемической болезни сердца и бессонницы, не считая надвигающейся слепоты, однако представлялось чрезвычайно странным, что такое случилось с ним, точно кто вдруг явился и обобрал. Разумеется, Целиковский осознавал, что со временем к каждому человеку непременно приходит старость как нормальный этап развития организма, если, понятное дело, ты в молодые годы не умер от неизлечимой болезни, не отравился зонтичными грибами, не стал жертвой бандитов, не подох с голоду, не утонул во время купания в водоеме, не угорел... ну и так далее, но то, что его самого постигла эта гнилая участь, казалось ему удивительным и обидным. В конце концов, смерть не так уж и страшна: ну подумаешь, вырубился, как заснул, разве что навсегда, о чем, между прочим, даже и не узнаешь, а вот когда старость тебя обкарнает со всех сторон, когда сегодня того нельзя, завтра сего нельзя, так это, пожалуй, будет похуже смерти, поскольку ты живо сознаешь, что мало-помалу превращаешься в огарок человеческий, которому требуется, чтобы его только не шевелили и позволили самостоятельно догореть. А так - ничего не жаль: ни города Грибоедова, который и без него будет постепенно рассыпаться в прах, пока его не покинет последний житель, ни жены, которая поплачет-поплачет и успокоится, ни ветхого своего домишки, которому осталось стоять максимум десять лет, ни бессмысленной природы, которой ни до чего нет дела, а жаль милого своего угла, единственного прибежища во вселенной, где и думается привольно, и дышится хорошо. Да еще жаль своего знания о мирах, потому что его некому передать, потому что ни одна зараза по-настоящему не интересуется знанием о мирах. А так ничего не жаль. Кстати заметить: как, в сущности, разумно устроена утомительная русская жизнь, что смерть тут как бы освобождение, а не смерть.

Вошла жена и спросила вкрадчиво: